

Москва в лицах: о судьбе Анны Ахматовой

Поэт и секретарь

Лев КОЛОДНЫЙ

В

«Моей биографии», впервые напечатанной русским издательством в Париже, читаем:

«Я родилась 24 июня (в Иванову ночь) 1889 года в предместье Одессы Большой Фонтан, дача Саракини. Отец мой Андрей Антонович Горенко был в то время инженер-механик флота. Мать Инна Эразмовна, рожд. Стогова (в молодости в «Народной воле»). Ее бабушка — кн. Ахматова, от которой идет мой псевдоним».

В кругу близких она не раз говорила также, что родилась в день праздника Владимирской иконы божьей матери. А праздник этот связан с историческим противостоянием на Угре войск Москвы и хана Ахмата, отступившего без боя и вскоре убитого соплеменниками в междоусобной борьбе. Анна Андреевна именно его считала своим далеким предком, поскольку ее прабабка была княжеского рода и носила фамилию Ахматова.

В день именин, которые отмечались в узком кругу друзей, она говорила о себе: «Я Анна Сретенская». Имя девочке дали в честь пророчицы Анны, бывшей при встрече — сретенье Христа...

Псевдоним Ахматова возник после одного из разговоров с отцом, который, узнав, что дочь пишет стихи, выразил неудовольствие не только этим обстоятельством, но и тем, что фамилия Горенко могла бы появиться в подписи под ними.

Первое стихотворение, напечатанное в 1907 году в журнале (издававшемся женой Анны в Париже, а им был поэт Николай Гумилев), подписала инициалами А. Г.

Если учесть, что Анна Андреевна отца не уважала и не любила и этого не скрывала, то понятно ее желание отказаться от девичьей фамилии, на которую ей выдали аттестат об окончании гимназии в том же году, когда появилось никем не замеченное первое ее стихотворение.

Так вот родился псевдоним Ахматова, нравившийся автору еще и потому, что в нем в дополнение к двум гласным «а» в имени насчитывалось еще три «а» в фамилии.

Что касается украинских корней, то их следы не только в фамилии. Мать говорила на украинском языке. Несколько лет прожила Анна в юности в Киеве. Здесь встретила первую любовь. Окончила гимназию. Поступила на юридический факультет Высших женских курсов, имевших права университета, где проучилась сравнительно недолго, но плодотворно: большое внимание уделяли на курсах не только праву, но и латыни, что позволило выучить итальянский, читать «Божественную комедию» на языке оригинала.

Иностранные языки усваивала легко, французский в детстве постигла, слушая уроки, которые давали сестре... После замужества, побывав в Париже, овладела французским в совершенстве, помнила его всю жизнь. Не забывая помнить, что один из ее предков по линии отца был грек, от него ей в наследство достался нос с горбинкой, который звала «бурбоинским». Дед по материнской линии Эразм Иванович Стогов, как говорила Анна Андреевна, «жандармский полковник», однако более важным для нее был тот факт, что во время службы на Урале он видел Пушкина.

Со всех сторон имеют отношение к Ахматовой разные народы, разные города. В детстве ей приходилось не раз менять место жительства. С Черного моря инженер-моряк переводился служить на Балтику, менялись дома после развода родителей.

Вот почему автор предисловия к первому прижизненному собранию сочинений Анны Ахматовой, изданному в том же городе, где началась ее литературная деятельность, Борис Филиппов утверждает:

«А Анна Ахматова — она и Горенко, но и Татарская кровь в ней, и греческая, да из Новороссии — прямо в Царское Село, где навеки поразил и приковал не только как поэта, но и как пушкиноведа, он, смуглый мальчик... И средиземноморское в ней — вернее черноморское... И все-таки не южное возобладало в поэтической речи, в самой необычайной, неповторимой ахматовской просторечивой красе, а скорее северное...».

Первым стихотворением Анна Ахматова дебютировала в восемнадцать лет, за три года до того, как стала женой его издателя, Николая Гумилева. Этот русский поэт стремился увидеть весь мир. Спустя полгода после свадьбы покинул жену, устремился в долгое и опасное по тем временам путешествие в Африку.

Спустя два года после женитьбы родился у поэтов сын Лев, отданный на попечение бабушки отца в Тверской край, куда на зиму приезжала невестка, скучавшая в глуши, вдали от столицы.

Переехав из Киева в Петербург, Анна Ахматова поступила учиться на Высшие историко-литературные курсы, однако подлинным университетом для нее стал «Цех поэтов» — поэтическая мастерская, основанная ее мужем.

Первый сборник Ахматовой под названием «Вечер» вышел в 1912 году. Спустя два года второй сборник под названием «Четки» принес автору поэтическую славу. «Четки» переиздавались девять раз!

...Одно из изданий «Четок», не санкционированное автором, вышло в 1922 году в Берлине в русском издательстве, основанном мужем Марины Цветаевой С. Эфроном. Книжка эта в черном коленкором переплете с золотым тиснением силуэта знаменитой решетки Летнего сада. В библиотеку имени В. И. Ленина экзemplар, который я заказал, попал из собрания известного библиографа Н. А. Рубакина. На книжке проставлен его экзlibрис, о принадлежности к рубакинскому собранию, перевезенному после кончины библиографа по его завещанию в Москву, свидетельствует шифр, присвоенный всем книгам из этого собрания, — Рсб.

Взяв в руки маленькую книжку, на титульном чистом листе вижу записанные карандашом стихи. Без подписи. Очевидно, эта запись сделана, когда книгой распоряжался хозяин.

Чьи стихи?

Всемь строк лирики размером напоминают другие стихи сборника. Но только ли размером?

Ель вихрастая широкая
В небо сонное глядит,
И на ней свеча высокая
Всю окрестность серебрит,
Дайте рученьку, беляночка!

Эта тихая зря,
Эта светлая поляночка
Сочетались не зря.

Почему оказались эти строчки на титульном листе рубакинских «Четок», кто сочинил «тихи», заставившие хозяина библиотеки вписать их перед строем ахматовских произведений?

Не относятся ли они к тем стихотворениям Ахматовой, которые она не сохранила? Ведь не раз бывало, что приходили к ней поклонники, читали ее собственные стихи, которые она забыла, затеряла. И с помощью чужой памяти воссоздавала, возвращала себе...

Согласно общепринятым канонам Анну Ахматову нельзя было назвать красивой: мешали нос с горбинкой, худоба; Иван Бунин в эпиграмме сравнил ее фигуру с доской. Но при всем этом облик поэта поражал современников некой неземной красотой, где не имели значения ни худоба, ни профиль. Многие она казалась королевой, в ее присутствии часто люди выражали ей особые знаки внимания; и она вела себя соответственно, отличалась величавостью, особой статью, осанкой, походкой, жестом, словом — в любой будничной обстановке, в кругу близких.

Это не нравилось ее маленькому сыну, который мог упрекнуть:

— Мама, не королевствуй!

Но аристократизм был ее внутренним состоянием, королевой она выглядела и молодой в петербургских салонах, и на склоне лет в тесной московской комнате.

По-видимому, ни одному поэту не посвящалось и не дарилось современниками столько стихов, как ей, начиная от Николая Гумилева и кончая Иосифом Бродским. Посвящения, которые ей нравились, она хранила в папке, называемой «Сто зеркал». К ней обращались в стихах Марина Цветаева, Борис Пастернак, Осип Мандельштам и многие другие поэты...

Художники часто просили ее позировать для портретов. Начало ахматовской галереи положил никому в начале века не ведомый художник Модильяни. Наиболее известен портрет Альтмана, выполненный в авангардистской манере.

Портрет Ахматовой написал Петров-Водкин. Недавно стало известно о находящемся в Париже портрете кисти Серебряковой. На всех этих изображениях Ахматова — разная, больше похожа на идеалы художников, чем на самое себя. На портрете Петрова-Водкина она напоминает его петроградскую мадонну.

Другая Ахматова — на фотографии. Меняя фамилию Горенко, она, как автор лирических стихов, возможно, не хотела, чтобы ее подпись под стихами каким-то образом ассоциировалась с горем.

Легко было поменять фамилию, придумать псевдоним с пятью звонкими гласными, которые звучали протяжно, как пять мажорных музыкальных звуков.

Однако судьбе было угодно распорядиться так, что эти пять звуков изменили не только свою тональность.

Поначалу ничто не предвещало беды. Молодые жили в своем доме, в окружении друзей, книг, красивых вещей. Начались публикации в журналах, издания сборников. Однако в конечном счете лирические песни трансформировались в рыдания, вместо гимна в честь любви, природы, жизни полилась музыка реквиема...

С чего начался счет потерь?

Роковым стал год 1921-й, когда, казалось бы, все страшное и кровавое позади, пережиты голод, холод, разруха, эпидемии.

После вышедшей в сентябре 1917 года книжки «Белая стая» несколько лет Ахматова в годы гражданской войны не издавалась. Просвет наступил весной 1921 года: жизнь начала налаживаться. Тогда вышла четвертая книжка стихотворений, написанных в 1917 — 1919 годах, под названием «Подорожник» тиражом всего в 100 экземпляров. В том же году, как отмечают исследователи, наиболее продуктивным, создана книга «Аппо Домини МСМХХI», то есть «В лето господне 1921».

И вот этот-то год стал роковым в ее биографии.

...Принесли мы Смоленской заступнице,

Принесли пресвятой богородице
На руках во гробе серебряном
Наше солнце, в мунге погасшее. —
Александра, лебедя чистого.

Под этими строчками стоит дата — август 1921 года. 10 августа похоронили Блока...

В том же августе случилась еще одна смерть. Газеты сообщили о расстреле в числе большой группы арестованных Николая Степановича Гумилева. Основателя акмеизма, мэтра поэзии поставили к стенке и расстреляли как ... контрреволюционера. Отпевание состоялось в Казанском соборе.

Известный военный юрист эпохи Н. С. Хрущева Терехов, расследовавший «дело» Николая Гумилева, сообщил недавно, что никаким «контрреволюционером» поэт не был, вся его вина, по мнению юриста, сводится к тому, что, зная о преступных намерениях, он, со своей стороны, не предупредил о них.

Версия эта оспаривается.

Что же касается Анны Ахматовой, то ее точка зрения, на мой взгляд, наиболее верная: Гумилев абсолютно ни в чем не виноват. При встрече с Александром Солженицыным она рассказывала ему, что все было сфальсифицировано сотрудником органов, будущим замнаркомом НКВД Я. Аграновым, заведовавшем квартирой Бриков и Маяковского. «Очевидно, нам еще докажут со временем, — пишет А. Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ», — что дутым было «гумилевское» дело 1921 года». И далее: «А. А. Ахматова выражала мне полную свою уверенность в этом. Она даже называла мне имя того чекиста,

кто изобрел это дело (кажется, Я. Агранов)».

Брак Анны Ахматовой с Николаем Гумилевым не сложился, и по обоюдному согласию супруги расторгли его в 1918 году, оформив юридически то, что фактически свершилось на несколько лет раньше.

Однако духовное родство с первым мужем осталось навсегда, память о первой любви всегда жила, после расстрела Гумилева Анна Ахматова почувствовала себя вдовой...

Смерть Гумилева потрясла всех, кто имел хоть какое-то представление о русской литературе. Поэту в 1921 году исполнилось 35 лет. Пуля настигла его на излете. Никто не знает, как высоко бы удалось ему подняться ввысь, к солнцу, куда, где сияло имя умершего в муках Александра Блока.

Вдовой Гумилева Анна Ахматова осталась на всю жизнь в глазах тех, кто любил ее стихи. Вдовой расстрелянного врага народа она всегда представлялась карателям, десятки лет державшим ее на прицеле глазков тюремных камер. Тень отца пала и на сына Гумилева и Ахматовой — Льва.

В часы допросов следователь, явно полагая, что яблоко от яблони недалеко падает, спросил арестованного студента Льва Гумилева:

«Мы расстреляли вашего отца. Вы, наверно, нас ненавидите?»

Другой бы не нашелся, что ответить на такой вопрос, достойный рыцарей иезуитского ордена. Лев Гумилев дал ответ достойный:

— Это как на войне. Ведь у сыновей убитых на войне ненависти к государству нет.

Лев Гумилев арестовывался четыре раза, много лет отсидел в тюрьме, лагере, ссылке, и все годы, проведенные им в заключении, считала невольницей себя его мать.

Когда арестовали одновременно сына (вторично) и мужа — искусствоведа Николая Пунина, а случилось это в Ленинграде после злосчастного выстрела Николаева в коридоре Смольного, Анна Андреевна поспешила в Москву, где арестованные томились на Лубянке.

Она написала письмо тому, к кому тогда обращались все, — Сталину.

Но письмо не отправила, как все, заказным по почте, не принесла в приемную...

Она пришла к писательнице Лидии Сейфуллиной, имевшей выход на помощника Сталина, небезызвестного Поскребишева.

Последний взялся помочь, велел явиться к десяти часам с письмом к воротам Кремля. Но не к главным, Спасским, а к Троицким, перед которыми, как известно, стоит похожая на шахматную ладью, вросшая в землю башня. «Под Кутафьей башней Кремля около десяти часов — тогда я передам», — сказал помощник.

Туда отправилась Ахматова, сопровождаемая другом, писателем Борисом Пильняком. Письмо часовому передал он. Вот откуда пошли строчки:

Буду я, как стрелы в женни,
Под кремлевскими башнями выть.

В тот же день тому же адресату направил ходатайство Борис Пастернак, еще не успевший сочинить стихи о Сталине. По-видимому, никогда бы не написавший их, если бы не дальнейший ход «дела».

Все оказалось, как в истории со счастливым концом. Вздолганные поэты, передавая письма, встретились, провели весь день в разговорах. Все происходило на Волхонке в коммунальной квартире. Там Ахматова осталась ночевать. Утром она узнала, что муж и сын уже на свободе, успели вернуться в Ленинград, откуда дали телеграмму...

Спустя много лет, сообщая историю того ареста поэту Анатолию Найману, она заключила рассказ словами:

— Вот, Толя, предистория моих отношений со Сталиным: не всегда усащ спрашивал: «Что делает манахия?»

Вспомнил Сталин об Анне Ахматовой в 1939 году, когда о ней публика почти забыла, выросла молодежь, не слышавшая о ней. Потому что последняя книжка поэта вышла в 1922 году.

К тому дню, когда в Кремле на встрече с писателями Сталин благосклонно помянул «манахию», литература, как и все другие области жизни, понесла неисчислимые потери. Не стало Пильняка, с которым Анна Ахматова ездила к Кутафьей башне, сотен других писателей и поэтов...

Она жила на свободе. За решеткой вновь сидел ее сын Лев...

Вот и доспорился, ясный спорщик,
До енисейских равнин...

Вам он бродяга, шуан, заговорщик, —
Мне он — единственный сын.

В тридцатые годы ни одно советское издательство, ни один журнал не публиковали ее стихов, даже имя ее в печати не велео было упоминать! Она была предана забвению заживо.

Но оставалась на свободе, имела право обитать в столицах, этим правом регулярно пользовалась, приезжая в Москву для хлопот о сыне.

Жила — в нескольких стах метрах от Кремля, в Замоскворечье, на Большой Ордынке, у друзей. В бессонные ночи мысленно обращалась к тому, кто казнил сына:

Стрелецкая луна, Замоскворечье, Ночь,
Как крестный ход идут часы Страстной недели.

Мне снится страшный сон. Неужто в самом деле
Никто, никто не сможет мне помочь?

«В Кремле не можно жить», —
Преображенец прав,

Здесь древней ярости еще кишат
Микробы!

Бориса дикий страх, и всех злобы,
И Самозванца спесь — взамен народных прав.

Второй раз судьба не улыбнулась Ахматовой, как это случилось однажды у Кутафьей башни.

После ареста сына она писала не только заявления об его освобождении. Она, как теперь всем известно, сочинила послание к нам, потомкам, ходатайство перед историей от имени всех матерей, всего народа, пережившего ужас большого террора. Это «Реквием», строчки которого обжигали ее душу, которые она не решалась предать бумаге не столько потому, что опасалась за свою судьбу, сколько страшась усугубить горькую долю сына.

В тридцатые годы Ахматова сочиняла сравнительно мало. Кто может петь с петлей на шее? Но писала, отвечая критикам, хулителям, врагам:

И вовсе я не пророчица,
Жизнь моя светла, как ручей.

А просто мне петь не хочется
Под знон тюремных ключей.

Еще одно четверостишие, датируемое 1937 годом, как и предыдущие стихи, появившиеся после ее кончины за границей:

За такую сноморошину,
Откровенно говоря,
Мне свиновую горошину
Ждать бы от секретаря.

От секретаря, то есть от Сталина. Почему в его сознании она ассоциировалась с монахиней, какие были отношения между ним и поэтом?

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ.